

Галина Куликова

Шйучики-дрючки в Провансе

В старости лучше сожалеть
о совершенных глупостях,
нежели, загибая пальцы,
скрюченные артритом, считать
ухажеров, которым отказала

Влюбиться в лучшего друга

Галина Куликова

Штучки-дрючки в Провансе

«ЭКСМО»

2012

Куликова Г. М.

Штучки-дрючки в Провансе / Г. М. Куликова — «Эксмо»,
2012 — (Влюбиться в лучшего друга)

ISBN 978-5-699-54826-2

Милая, простодушная, с глазами потерявшейся Каштанки, Таня лишилась сразу же двоих друзей детства. Их увела у нее Регина – женщина-вамп, женщина-авантюра, женщина-запал. Из-за горестной утраты Таня Волгина не стала бросаться с утеса, а... отправилась вместе со своим боссом, красавцем-мужчиной, давно подбивавшим к ней клинья, в Прованс. Думала ли девушка, в какую авантюру она ввязывается!

ISBN 978-5-699-54826-2

© Куликова Г. М., 2012

© Эксмо, 2012

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	29
-----------------------------------	----

Галина Куликова

Штучки-дрючки в Провансе

«Есть мужчины, которым нечего делать в нашей жизни, однако они каким-то образом ухитряются ловко в ней окопаться», – с раздражением подумала Таня. Некоторое время она провожала глазами Павла, отправившегося за свежими газетами, потом переключилась на проходящих мимо пассажиров.

Начал брызгать дождь, и перрон покрылся мелкой темной сыпью. Мощные остроносые поезда, молчаливо ожидающие отправления, глухой вокзальный рокот нагнали на Таню странную тоску. Она любила дорогу, но лишь тогда, когда точно знала направление и название пункта прибытия. А сейчас Пожидаев вез ее в никуда, и она чувствовала себя так, будто ей завязали глаза и ведут по невидимой петляющей тропинке. Чтобы стряхнуть с себя дурное настроение, она решила позвонить в Москву Зое. Только та была способна в один присест вдохнуть в подругу оптимизм и заставить ее посмотреть на ситуацию с правильной стороны.

– Ты переезжаешь из Лозанны в Вену, а оттуда в Париж, живешь в роскошных отелях и называешь это «таскаться по Европе»?! – возопила Зоя, едва услышав Танины жалобы. – И что тебя не устраивает?

– Павел ведет себя так, будто мы с ним помолвлены и отправились в романтическое путешествие, – сердито ответила та. – Он ни слова не говорит о работе, о нашем проекте, хотя дома прожужжал мне все уши своим международным выставочным центром. Я думала, мы будем безвылазно сидеть в Лозанне, вести переговоры, готовить плацдарм для приезда нашей команды...

– Путешествовать с симпатичным состоятельным архитектором куда приятнее, чем готовить какой-то там плацдарм, – отрезала Зоя. – Кроме того, Пожидаев – персона известная, о нем пишет мировая пресса, его показывают по телевизору и дают ему международные премии... Так наслаждайся же моментом!

– Да не получается у меня наслаждаться! Павел меня ужасно раздражает. Все решает сам, как будто он имеет на меня права. Вот сейчас он взял билеты на ночной поезд, тащит меня невесть куда и говорит, что хочет устроить мне сюрприз.

– Вот это да! – воскликнула Зоя. – Лично я обожаю сюрпризы, но мне всегда не везло с мужиками. Помнишь мое последнее увлечение? Этот кретин сказал, что я заставила его вновь ощутить себя молодым и в выходные меня ждет нечто сногшибательное. Я вообразила, что мои глаза вот-вот ослепнут от блеска бриллиантов, а он, оказывается, решил повести меня в зоопарк и покатасть на ослике. Представляешь?! Тебя-то, зуб даю, Пожидаев катает не на осле, а в кабриолете.

– Зоя, я тебя умоляю! – смеясь, простила Таня. – У тебя на каждую историю находится восемь своих. Причем каждая заканчивается, как анекдот.

– Странно, правда? – удивленно отозвалась Зоя. – С моими внешними данными можно было бы рассчитывать по крайней мере на ухаживания принца Монако.

– Боюсь, в Монако тебе просто негде будет развернуться, – проворчала Таня. – И вообще. У тебя муж есть, а ты рассуждаешь о поклонниках, как девушка на выданье.

– Муж! – презрительно бросила Зоя. – Взятся за гуж, да оказался недюж.

– Так брось его и гуляй себе на здоровье!

– Необязательно бросать мужа, чтобы гулять. Видишь ли, развод – это ужасно хлопотное дело. Я однажды затеяла с ним разводиться, но...

– Зоя! Я звоню поплакаться, пожаловаться, а ты, как всегда, переводишь стрелки на себя.

– Не понимаю, на что тут можно жаловаться, – удивилась Зоя. – Значит, говоришь, Пожидаев готовит для тебя сюрприз и для этого взял билеты на ночной поезд? Хм. Интересно, куда

вы будете ехать целую ночь? Мне кажется, я бы всю Европу за двенадцать часов прочесала на велосипеде.

– В том-то и дело, что Павел ничего не хочет мне объяснять. Только улыбается и глазами сверкает.

– Ну, отчего бы и не посверкать, если глаза красивые... Значит, ничегошеньки не объяснил?

– Сказал, что у него маленький домик во Франции и сначала он планирует завезти меня туда. Ну, вроде бы как в гости. А потом уже будет сюрприз.

– Можно сдохнуть от зависти, – откликнулась Зоя, которая, впрочем, никогда никому по-настоящему не завидовала. «Для этого у меня слишком бурная и насыщенная событиями жизнь», – частенько говорила она. – А ты не догадываешься, что за сюрприз?

– Нет, – сухо ответила Таня. – Представления не имею.

– А между вами уже что-то было?

– Иди к черту! Ничего между нами не было. Он, между прочим, мой руководитель. – В голосе Тани слышалась неуверенность начинающего лгунишки.

– Я тебя умоляю... Самому тупому ежу понятно, что Пожидаев положил на тебя глаз, и ты можешь в любой момент сама начать им руководить. Представляешь, какой он чуткий? Как только понял, что у тебя личная драма, сразу же взял за руку и увел за собой. Увез практически на край света, как в кино. Настоящий мужик!

– По-моему, ты его просто не раскусила, – возразила Таня с усмешкой. – Павел положил на меня глаз, а я ему отказала. Это его завело, он человек азартный. И вообще ловелас и циник. И романтики в нем не больше, чем в пожарном гидранте.

– Обожаю циников, – плотоядным голосом заявила Зоя. – Черт побери, почему ему не нравятся пышные и прекрасные блондинки? Когда ты меня с ним познакомила, я чуть не вцепилась в его рубашку, чтобы он от меня далеко не отходил. Просто постоять рядом – и то кайф.

– Ты меня совсем не успокаиваешь! – рассердилась Таня. – У меня на душе кошки скребут. Я дура, что согласилась ехать с ним вдвоем. Надо было дожидаться, когда все ребята поедут... А теперь еще этот чертов сюрприз. Я чувствую себя деревенской красавицей, за которой с утра пораньше должен прилететь дракон. То есть я понимаю, что Павел рассчитывает на взаимность, и это сводит меня с ума.

– Рано или поздно голубчик тебя все равно соблазнит, – непререкаемым тоном заявила Зоя. – Сама же говоришь: ты только что пережила личную драму, ты обижена, твоя гордость растоптана...

– Ну, я не могу сказать, что растоптана, – попыталась возразить Таня, но Зоя не дала ей закончить фразу.

– Погоди-погоди. Давай разберемся. У тебя было два друга детства¹, которые ни на шаг от тебя не отходили. Оба в тебя были влюблены. Ты выбрала одного, вы пожили вместе, а потом он сделал тебе ручкой. Тогда ты решила осчастливить второго, но тот уже остыл и отказался от тебя. Другая на твоём месте побежала бы на берег реки бросаться с утеса, но нет! Это не твой случай. Вместо того чтобы утопиться, ты берешь под ручку собственного босса и летишь с ним в Швейцарию. Разумеется, он рассчитывает тебя утешить, но пытается сделать это интеллигентно, с подходом. И тут ты встаешь в позу и говоришь: «Ах, нет! Я на это вовсе не рассчитывала!»

– В твоей интерпретации история напоминает эпизод сериала «Богатые тоже плачут».

– А ты сама напоминаешь полную дуру, – подытожила Зоя и ехидно добавила: – Твои проблемы, радость моя, кажутся мне капельку надуманными.

– Зоя, главная моя проблема в том, что я не люблю Павла, – выдавила из себя Таня.

---

¹ Начало этой истории читайте в романе «Влюбиться в лучшего друга».

Она с самого начала отдавала себе отчет в том, что Пожидаев – герой не ее романа. В ней ничто не отзывалось на его внимание, на его порывы, на его прикосновения...

– Если бы я всякий раз ждала настоящей любви, чтобы начать наслаждаться жизнью, – парировала Зоя, – то умерла бы девственницей, ни разу не выезжавшей за пределы Бирюлева. Прекрати нудить и расслабься. Пожидаев тебе нравится? Нравится, – сама же ответила она. – Ешь его с маслом, пока молодая и красивая. В старости лучше сожалеть о совершенных глупостях, нежели, загибая скрюченные артритом пальцы, считать ухажеров, которым ты отказала.

– Не все так легко относиться к интимным отношениям, – хмуро сказала Таня. – После каждой неудавшейся интрижки ты опорожняешь сердце, как стакан с водой. Вылила, вымыла с моющим средством – и готово! Поставила на стол в ожидании новой порции лимонада. А я так не могу!

– Бедный Пожидаев, – театрально вздохнула Зоя. – Воображаю, как в очередной гостиной он ночью поскребется в твой номер, а ты в припадке целомудрия прищепишь ему дверь нос. Вряд ли после этого он потащит тебя в свой французский домик. Если ты планируешь сделать что-нибудь подобное, лучше вообще не садись в поезд, – посоветовала она. – Бери свой чемодан и сматывайся.

Таня молчала.

– Так ты готова бросить своего офигительного босса прямо посреди Европы?

«А ради чего?» – с горечью спросила себя Таня. – Ради любви, у которой нет ни одного шанса?» Она вспомнила последний разговор с Олегом по телефону. Когда она сказала, что улетает в Швейцарию вдвоем с Пожидаевым, Олег будничным тоном ответил: «Что ж, отлично. – А потом еще добавил: – Пока, не пропадай. Будем созваниваться». И это всё. Всё!!! После стольких лет тяжелой неразделенной любви, его молчаливого обожания, сердечных страданий. Если бы еще месяц назад Таню поставили перед целым племенем индейцев, вооруженных духовыми трубками с колючками, смазанными ядом кураре, и спросили: «Уверена ли ты, Татьяна Волгина, в том, что Олег Скворцов любит тебя без памяти и не разлюбит никогда в жизни? Отвечай или умрешь страшной мучительной смертью!» И она без колебаний ответила бы: «Да, уверена, любит. Любит сильно и будет любить до конца своих дней».

Она знала это примерно класса с шестого. Или с пятого? Кажется, именно тогда, впервые поймав его пристальный, внимательный взгляд, Таня почувствовала себя красивой. И особенной! С тех пор Олег всегда был рядом – молчаливый, преданный... и гордый. Он ни разу не попытался сделать первый шаг, ни разу не сказал Тане о своих чувствах... А Витка Потапов сказал.

Таня отлично помнила, что, впервые целуясь с Витькой, она думала об Олеге, о том, какую причинит ему боль. И на секунду даже испытала мстительное удовольствие: «Ну, что ж, Скворцов, получай! Не захотел открыто за мной ухаживать, нашлись другие, не хуже». Господи, какая же она дура! Просто несусветная дура. Возможно, он так сильно ее любил и так сильно боялся отказа, что именно поэтому ничего не предпринимал. Как будто чувствовал, что Таня может разбить ему сердце.

И вот теперь все перевернулось с ног на голову. После разрыва с Витькой она иначе взглянула на мир, на людей, которые ее окружают... И у нее словно открылись глаза. Оказывается, рядом с ней – только руку протяни! – все это время находился лучший мужчина на свете. Умный, благородный, чуткий, внимательный... Такой, о каких романтические девушки грезят долгими дождливыми ночами. Таня потянулась ему навстречу и... И внезапно обнаружила, что упустила свое счастье. Вероятно, даже самые верные рыцари могут дрогнуть, если потеряют надежду. Таня сама отобрала у Олега надежду, и случилось непредвиденное – он полюбил другую. Поразительным было то, что эта другая оказалась новой Витькиной пассией.

– Ты там случайно не окочурилась? – с опаской спросила Зоя, покашляв в телефонную трубку. – Чего молчишь?

– Я думаю, – ответила Таня.

– И что? – агрессивно уточнила подруга. – Надумала что-нибудь умное?

– Надумала. Поеду с Павлом в его французский домик, а потом дожусь сюрприза. Может быть, сюрприз будет столь впечатляющим, что примирит меня с ситуацией. Олегу я не нужна, и мне теперь все равно, с кем быть. Остаться одна я не хочу. Мне предыдущая командировка нелегко далась. Павел подбивал клинья, а я хранила верность Витьке. Зачем, спрашивается?

– Ты прямо как Марья-искусница из фильма для детишек: «Что воля, что неволя – все равно!» – процитировала Зоя. – Я все надеюсь, вдруг твой Пожидаев тебя расшевелит? Может быть, ты к нему несправедлива! Ловелас, циник... А он на самом деле окажется отличным парнем!

– Тебе бы сказочницей быть, – усмехнулась Таня. – Но знаешь, я рада, что ты со мной поболтала. Есть у тебя такая удивительная способность обнажать проблемы. Благодаря твоим дурацким сентенциям я как-то сразу начинаю все четко понимать.

– Это не дурацкие сентенции, а жемчужины здравого смысла. А здравый смысл – венец моей сложной биографии, – парировала Зоя. – Ладно, пока, а то мы и так кучу денег проговорили. Злой дядя Роуминг сидит в телефоне и опустошает наши мобильные счета. И не будь свиньей – когда узнаешь про сюрприз, позвони! А то я лопну от любопытства.

Заметив возвращающегося Пожидаева, Таня клятвенно пообещала звонить и отключилась. Положила телефон в сумочку и зябко повела плечами. Вечер выдался на удивление прохладным, кроме того, вспомнив об Олеге, она разнервничалась. Интересно, где он сейчас? В последний раз она видела его в больнице у Виктора. Он кружил вокруг несчастной и потерянной Регины, лишь изредка вспоминая о Тане... Принес кофе в пластиковом стаканчике, пару раз похлопал по плечу – и все.

Витька уже давно выписался из больницы, а Олег так и не появился. Ни разу не позвонил, не прислал ни одного сообщения... Ну и ладно! Она не будет страдать. И не останется одна – вон какой у нее кавалер.

Пожидаев приближался к ней вместе с потоком пассажиров – худой, стройный, длинноногий. Уверенность в себе придавала его облику завершенность, она плотно заполняла его поры, поддерживала правильную осанку. Серебристые виски, седоватая бородка, глаза светлосиние, как коктейль «индиго» с колотым льдом. Однажды Павел сказал, что умеет замораживать людей одним взглядом. Таня рассмеялась вслух, а про себя подумала, что раздевать он тоже умеет одним взглядом.

Пожидаев шел и смотрел на нее издали с внимательным интересом и умной усмешкой. Лучики морщин в уголках его глаз выгодно подчеркивали респектабельный альпийский загар – нежный, как топлёные сливки.

– Что, заскучала? – спросил он, подходя к Тане с одной-единственной газеткой в руке. – Держи прессу, а я возьму вещи. Люблю вокзалы, но этот специфический запах рельсов, машинного масла, еще чего-то гадкого... И в вагоне наверняка от него не избавиться. Да еще куча народу...

– Не беспокойся, люди, едущие первым классом, практически не пахнут. Если только деньгами.

– Люблю женщин с чувством юмора, – ухмыльнулся Павел. – Пойдем, пора загружаться.

Он двинулся вперед, и в этот момент какого-то мужчину, идущего чуть впереди, негромко окликнули. Потом окликнули еще раз, назвав по фамилии – не то Леру, не то Лерой. Он изумленно обернулся, и Таня на секунду встретилась с ним глазами. Он был красивый, с тонкими чертами лица и нервными губами. Фетровая шляпа невероятно ему шла. Увидев, что она смотрит на него, мужчина мимолетно улыбнулся и, проходя мимо, сказал:

– Mus non uni fidit antro!

– Простите? – Таня не поняла, на каком языке он к ней обратился, и растерялась.

В ту же секунду рядом с ней вырос Пожидаев.

– Что вам угодно? – холодно спросил он у фетрового по-французски и сдвинул брови. Однако тот лишь пожал плечами, извинился: «Excusez-moi!» – и быстро пошел по перрону назад, к зданию вокзала.

– Чего он хотел? – спросил Павел, проводив фетрового взглядом.

– Понятия не имею. Я не разобрала, что он сказал. Что-то вроде «мус нон уни»... Даже не представляю, из какой это оперы.

– Я слышал его фразу, она показалась мне удивительно знакомой, но, увы... – усмехнулся Павел. – Наверное, этот тип заигрывал с тобой.

– Естественно! Что еще делать занятому человеку на перроне, как не заигрывать с незнакомками?

– Ладно, пойдем. – Павел ухмыльнулся. – А то мы остановились прямо на проходе.

Он взял Таню за руку и снова повлек вперед.

– Кстати, у нас купе на двоих, – заявил он, глядя вперед и ненатурально шурясь. – Надеюсь, ты не против?

– На двоих так на двоих. Или ты хочешь, чтобы я от возмущения завизжала на весь вокзал? – поинтересовалась Таня, почувствовав, как сильно и глухо забилося сердце.

Только сейчас она поняла, почему Павел не продавливал ситуацию, не торопил события – вовсе не потому, что был таким уж джентльменом. И уж тем более не потому, что считал Таню особенной и деликатно давал ей время принять решение. Он просто играл с ней, как кот играет с придушенной мышью. Ему нравилось предвкушение обеда – вероятно, даже больше, чем сам обед. Нравилось сладостное и томительное ожидание, намеки и недоговоренности, многозначительные взгляды... «Вот он-то меня совсем не любит, – подумала Таня. – У него с каждой женщиной не отношения, а эксклюзивный контракт. Но, черт побери, он мне сейчас нужен гораздо больше, чем я ему. Он отвлекает меня от всего того, что я пытаюсь забыть».

Она вспомнила непредсказуемые романы подруги Зои, похожие на спятивших акробатов, в беспорядке прыгающих с батута прямо в зрительный зал. Зоя постоянно влюблялась в неподходящих мужчин и ввязывалась в нелепые отношения. В качестве оправдания она всегда выдвигала один и тот же аргумент: «Толик должен был помочь мне расстаться с Игорем». А чуть позже: «Леня должен был помочь мне пережить измену Толика». Подруга интуитивно чувствовала, что самый быстрый способ забыть мужчину – это бессовестно вытеснить его из памяти с помощью другого мужчины. И неважно, каким окажется новый, – главное, образ того, первого, будет благополучно похоронен в глубинах памяти. Мужа она в этих случаях вообще не принимала в расчет.

«В сундук его! – подумала Таня, снова вспомнив об Олеге. – Под замок и на чердак. Пусть пылится там, а я время от времени стану перетряхивать содержимое. И однажды... Однажды пойму, что мне уже не больно».

Им с Павлом предстояло всю ночь провести наедине, и Таня двигалась вперед, механически переставляя ноги. Вагон, к которому они подошли, отчетливо пах резиной и кожзаменителем. Пожидаев сразу же заговорил с проводником о каких-то неинтересных Тане вещах – о безопасности дезинфекторов, которыми пользуются Французские железные дороги, о погоде в Марселе, об остановках в пути. Таня лишь мимолетно улыбнулась и прошла мимо. Из-под фуражки на нее пристально поглядели глаза в длинных ресницах. Еще она запомнила перебитый нос, как у французского актера Бруно Кремера. И мимоходом подумала, что Кремер чаще всего играл отрицательных персонажей, а ей не хотелось бы, чтобы в пути произошло что-то неприятное. Как будто внешность проводника могла повлиять на исход поездки.

Павел деловито обосновался в купе, удобно разложил вещи. Таня всей кожей ощущала его физическую близость. Он постоянно задевал ее то локтем, то бедром – вероятно, не намеренно, но эти прикосновения горели на ее коже, будто ожоги. Вагонное стекло было огромным

и чистым, и Таня села так, чтобы можно было прижаться к нему носом, как в детстве. Вероятно, со стороны это выглядело смешно, но ее всегда успокаивало. Небо, туго натянутое над вокзалом, пропиталось темно-синим.

– Ты наверняка голодная, – сказал Павел, усаживаясь рядом. – Как только тронемся, отправимся в ресторан. Тебе стоит проветриться, посмотреть на людей. Я знаю, что взаперти ты чахнешь, как дикая роза. Кстати, тебе идет эта прическа. Она очень французская.

– Спасибо.

– Впрочем, настоящего француза не обманешь. Хотя ты не произнесла ни слова, Шарль Анри сразу догадался, что ты русская.

– Кто это – Шарль Анри? – удивилась Таня, наблюдая за каплями, облепившими стекло снаружи. Они дрожали, налившись вечерним светом.

Смутное беспокойство, охватившее ее еще на перроне, усиливалось с каждой минутой. Что-то будто было разлито в воздухе, что-то опасное.

– Шарль Анри – это наш проводник.

Павел всегда быстро осваивался на новом месте и так же быстро занимал лидирующую позицию. Другой бы еще только озирался по сторонам, а он уже все разузнал, все проинспектировал и взял ситуацию под контроль.

– Я действительно хочу есть, – призналась Таня. – Готова съесть что угодно, даже соевую сосиску.

Неуемный аппетит напал на нее обычно накануне неприятных событий. Она заедала беспокойство так же, как некоторые «закуривают» его, извлекая из пачки одну сигарету за другой. «Наверное, я просто боюсь ночи, – попыталась успокоить она сама себя. – Когда мы погасим свет и останемся вдвоем, Павел начнет боевые действия. Я вижу по его глазам, что он все уже решил. И черт побери, он знает, что я это знаю».

Поезд качнулся и мягко тронулся с места. Павел уселся рядом и придвинулся так близко, что Таня почувствовала запах его парфюма. Он пользовался какой-то особенной туалетной водой с обволакивающим ароматом. «С точки зрения Зои, да и большинства женщин, Павел практически идеален, – подумала Таня. – Почему он меня совсем не волнует?» Ее сердце было заблокировано, заперто на все замки. Задраено, словно отсек в подводной лодке. Туда не проникали ни запахи, ни звуки, ни эмоции, связанные с Павлом Пожидаевым. Вся информация, касающаяся этого мужчины, обрабатывалась исключительно мозгом.

Чтобы не сидеть просто так, Таня раскрыла косметичку и принялась доставать оттуда всякую всячину. Павел наблюдал за ней с живым интересом.

– Меня всегда завораживали все эти женские штучки, – признался он. Не удержался и повертел в руках крохотную коробочку с блеском для губ. – Такое впечатление, что женщины постоянно что-то мажут, увлажняют, массируют и выщипывают.

– Это не впечатление, а жестокая реальность, – пробормотала Таня. – Девушка должна быть чистой, гладкой и мягкой на ощупь. И вдобавок упакованной в красивую обертку. Тогда, возможно, придет Серый Волк и захочет ее съесть.

– Какие флиртующие разговоры ты со мной ведешь! – Павел задрал брови и ухмыльнулся. Потом осторожно взял Таню за руку и сильно сжал ее пальцы, вкрадчиво спросив: – А у Красной Шапочки сильно бьется сердечко?

Таня подняла голову, встретила с ним глазами и подумала, что рассталась бы с приличной суммой денег, лишь бы узнать, участился ли в настоящий момент пульс у самого Пожидаева. Или это его прерывистое дыхание – просто демонстрация охотничьего азарта?

– Если сядишь играть в покер, – ответила она, опустив ресницы, – глупо ожидать, что партнер заранее откроет тебе карты.

Кажется, по правилам любовной игры ей полагалось интриговать и кокетничать. Она искренне пыталась это делать. Однако странное беспокойство не оставляло ее, продолжая кру-

жить над головой, словно невидимая птица. Ей казалось, что оно как-то связано с Олегом. Это было что-то новенькое, потому что до сих пор мысли об Олеге вызывали у нее только обиду и разочарование. «Но ведь Олег даже не догадывается о моих чувствах, – думала Таня. – И теперь уж я ему ни за что не скажу. Поздно».

Впрочем, может быть, и нет? Что, если Зоя права – нужно было вообще не садиться в этот поезд. Представив, как она сбегает от Пожидаева обратно в Москву, Таня задрожала. Перед ней открылась бездна – безнадежности и отчаяния. Олег любит другую. Интересно, удалось ли ему на этот раз отбить свою возлюбленную у Виктора? Удалось или нет, от этого ничего не изменится. Таня понимала, что полюбить ее снова с той же страстью Олег не сможет никогда. Поэтому дома ее ждет любовный ад, в котором она сама продержала Олега Скворцова много-много лет, медленно поджаривая его на огне искренней дружбы. Путь, открывшийся перед ней, показался ей слишком трудным и слишком горьким, чтобы без раздумий ступить на него. «Лучше уж я останусь с Павлом, – подумала Таня. – Я ведь никого не предаю. Потому что Олегу я не нужна, а до остальных мне самой нет дела».

– Займи для нас самый хороший столик и закажи мне что-нибудь выпить, – вывел ее из задумчивости Павел. – На твой вкус. Я ненадолго задержусь. Мне нужно кое-что сделать. Пара звонков, чистая рубашка... Ну, что я тебе объясняю?

Таня улыбнулась, подкрасила губы и переложила документы и кошелек в маленькую сумочку.

– Ладно, жду тебя, – сказала она и, легко махнув рукой, вышла в коридор.

Шарль Анри, дернув перебитым носом, показал ей, в какую сторону двигаться, и она быстро пошла через вереницу хищно хлопающих дверей, осторожно ступая на катающиеся туда-сюда круглые площадки в стыковочных «гармошках», всякий раз сжимаясь от оглушительного стука колес, который выпрыгивал снизу, как только она открывала дверь между вагонами. Время от времени навстречу ей попадались другие пассажиры, и тогда приходилось прижиматься спиной к дверям чужих купе, из которых доносилось уютное людское воркование.

В ресторане лишь один столик оказался свободным, и Таня с облегчением устроилась возле окна, сразу же открыв поданное меню. Впрочем, прежде чем увлечься его изучением, она быстро огляделась по сторонам. Наискосок от нее сидела влюбленная парочка, кажется, итальянцы. Напротив расположились четверо бизнесменов. Двое – те, которых Таня могла видеть, – говорили на неуклюжем французском. Практически одинаковые галстуки, скошенные на сторону, казались оловянными. Справа через проход возвышался внушительный мужчина с длинными темными волосами, распущенными по плечам. У него было бледное лицо, впалые щеки и глаза, похожие на черные оливки, придавленные тяжелыми веками. Орлиный нос был до того впечатляющим, что наводил на мысль о театральном гриме. «Демоническая личность, – подумала Таня. – Судя по всему, ростом он с дом». Она невольно опустила глаза и посмотрела на его ноги – ботинок оказался размером со взрослую таксу. «Интересно, а кто он по национальности? Швейцарец? Вряд ли. Француз? Ни за что. Итальянец? Сомнительно. Может быть, серб? Нет, скорее всего это какая-то взрывоопасная смесь, возможно, с цыганской перчинкой».

Таня попросила принести ей сок и минералку, после чего углубилась в меню. Пока она изучала раздел рыбных блюд, к демоническому типу справа присоединилась пожилая дама, удивительно похожая на попугая – яркое оперение и короткие волосы, стоявшие на затылке хохолком. Маленькие лапки с алыми коготками она держала перед собой. Одета дама была довольно несуразно: бриджи, кроссовки и шелковая кофта с богатыми оборками. Вдобавок ко всему она обладала пронзительным голосом, от звуков которого прилизанные усы официанта мгновенно превратились в щеточку.

К демоническому типу дама в оборках обратилась по-английски, однако тот не ответил, продолжая меланхолично прихлебывать из бокала. Как выяснилось, отвечать и не требовалось

– достаточно было слушать и кивать. Павла не было минут десять, и все это время дама-попугай тархтела и тархтела, как будто рядом включили радио и одуревшая ведущая, сутки сидевшая перед микрофоном, несла всякую околесицу, лишь бы забить эфир. В дело шло буквально все, слова наматывались на невидимую катушку бесконечной лентой, и через четверть часа Таня против воли была нашпигована сведениями самого разного характера – от сюжета фильма «Конан-варвар» до особенностей характера сиамских кошек.

– А вот и я! – объявил Павел, подходя к столику и усаживаясь напротив Тани. – Никак не мог дозвониться до партнеров. Ну, ничего. Поужинаем, и пока ты будешь расправляться с десертом, я сделаю еще одну попытку.

Он с силой провел рукой по лбу, словно отринул все дела, и обезоруживающе улыбнулся.

– Шампанское нам сейчас принесут, – сообщила Таня. – Еще я хотела заказать себе рыбу, но до сих пор ничего не выбрала: список рыбных блюд такой длинный, словно к поезду прицеплен специальный вагон с аквариумом.

В конце концов, они все-таки сделали заказ и теперь мило болтали, вспоминая прошлогоднюю работу в Париже. От вкусной еды у Тани разгорелись щеки. Однако не оставлявшая ее весь вечер тревога здесь, в ресторане, казалось, только усилилась. Девушка упрямо старалась не обращать на нее внимания. Она флиртовала со своим спутником, причем по всем правилам женского искусства, искренне надеясь, что, когда Павел все-таки поцелует ее, ей будет приятно, а не противно.

– Знаешь, а ведь я на самом деле понял, что сказал тот тип в шляпе, – неожиданно заявил Пожидаев, поддевая вилкой длинную морковную стружку.

Засунув стружку в рот, он достал из кармана авторучку и, схватив салфетку, быстро написал на ней: «*Mus non uni fidit antro*». Таня с любопытством наблюдала за его манипуляциями.

– На каком это языке? – спросила она.

– На латыни. И означает что-то вроде: «Мышь не полагается на одну норку». Или «Мышь не доверяет одной норке».

– Тебе не кажется это странным? – удивилась Таня. – Взять и заговорить с незнакомой женщиной на латыни? И при этом сказать какую-то глубокомысленную бессмыслицу.

– Знаешь, люди вообще очень странные существа, – ответил Павел, скомкав салфетку в руке. – Чем дольше я живу на свете, тем больше убеждаюсь, что мир непредсказуем, разнообразен и совершенно необъясним. Так что не стоит в каждом событии искать особый смысл. Порой следует просто улыбнуться и забыть о том, что случилось.

Он поставил бокал на стол и посмотрел на Таню обжигающим взглядом. Она мгновенно почувствовала себя так, будто оказалась голой на улице. «У каждого свои таланты, – пронеслось в ее голове. – Один доказывает теорему Ферма, другой умеет раздевать женщин глазами». Чтобы побороть смущение, она стала смотреть в окно. Но стекло запотело так сильно, что казалось, поезд мчится сквозь сплошной туман. Темно-жемчужные разводы напоминали клубы дыма, сквозь которые просвечивали далекие золотые огни. Хотя на самом деле это были всего лишь отражения ресторанных светильников.

– Я так рад, что ты поехала со мной, – негромко сказал Павел, продолжая свою пытку взглядом.

– Ты имеешь в виду сюрприз?

– Нет, я имею в виду вообще эту поездку. Когда я заказывал тебе билет на самолет, то полагал, что у меня есть всего лишь крохотный шанс. Но ты неожиданно согласилась лететь, и теперь все идет лучше некуда. Ты ведь ни о чем не жалеешь?

– Ни о чем, – быстро солгала Таня и взяла в руки свой бокал, со дна которого бежала вверх тоненькая цепочка пузырьков.

И тут же принялась увещевать себя: «Он хороший босс, профессионал высочайшего класса, я его уважаю, я к нему привыкла. И он пользуется вкусной зубной пастой. А это уже

полшага до любви. В конце концов, если Олег полюбил другую, я тоже смогу переключиться на Павла.

Интересно, где Олег сейчас? Что делает? Возможно, ему удалось завоевать Регину, и они вдвоем сидят в каком-нибудь очаровательном ресторанчике и тоже пьют шампанское... Витка наверняка в шоке. Возможно, они с Олегом даже подрались. Из-за чего же и драться лучшим друзьям, как не из-за девушки? Вот за меня Олег в свое время бороться не стал... Жалеет ли он об этом? Не возникало ли у него желания все вернуть назад, переписать набело? Как бы мне хотелось знать, что он чувствует, когда думает обо мне!»

* * *

Его заперли в крохотной комнатке, где не было никакой мебели – только голые стены, дверь и маленькое круглое окно в потолке. По правде говоря, окно больше напоминало люк, и пролезть в этот люк смогла бы разве только тощая кошка. Крохотный кусочек неба, до которого можно достать рукой, маячил над головой, словно футуристический глаз без зрачка. Олег несколько раз подпрыгивал и ударял в него костяшками пальцев. Ничего не происходило. За дверью, которая захлопнулась за ним сутки назад, тоже ничего не происходило. Ему не приносили ни есть, ни пить, не слышно было шагов, никто не перекрикивался и не перешептывался. Снаружи, на улице, было оглушительно тихо. Только изредка шумел ветер, проносившийся по верхушкам деревьев. Время от времени к потолочному окошку приникали ветки боярышника, и толстенные ягоды стучали в стекло, словно чьи-то нетерпеливые пальцы.

На то, чтобы как следует проверить, так ли крепки стены темницы, какими кажутся на первый взгляд, у него пока что не было сил. Каждое движение давалось с огромным трудом – когда его выгрузили из машины и потащили в дом, он начал сопротивляться, и тогда ему связали запястья и долго молча били ногами.

Олег не знал, чего ему ждать от похитителей. За свою двадцативосьмилетнюю жизнь он пересмотрел несметное количество боевиков, триллеров и детективов и отлично знал, что когда преступники не скрывают своих лиц от жертвы, это плохо. То есть очень плохо. Выходит, они уверены, что заложник никогда не сможет их опознать. А значит, его не собираются оставлять в живых. Ему никто не завязывал глаза, и он мог видеть, куда его везут. Правда, путь был чудовищно долгим и утомительным, и Олег совершенно запутался, хотя и пытался запоминать названия населенных пунктов – Кокошкино, Пушаково, Лыточкино... Указатели ни о чем ему не говорили, а потом закончились и они, как закончились и заасфальтированные трассы. И начались проселки, узкие лесные дороги, заброшенные бетонки... Дом, в ворота которого въехал джип, мог стоять где угодно и принадлежать кому угодно.

Конечно, существовал безопасный вариант развития событий – от пленника хотят потребовать какой-то услуги. Вскоре сюда явится некий босс, Олега со связанными руками приведут в комнату, где будет сидеть незнакомый человек с глазками аллигатора, который заговорит с ним преувеличенно ласковым тоном. Наверняка его похищение связано со службой. Чего от него могут потребовать? Чтобы он поставил какую-нибудь подпись под контрактом? Так его закорючка в «Самшите» ничего не значит без одобрения Генерального или вице-президента.

Позже Олег перебрал еще несколько версий. Например, его могли схватить для того, чтобы что-то вытребовать у отца, который был морским офицером. Но сейчас отец занимается преподавательской деятельностью и читает лекции, у него нет доступа к секретным материалам, и он вообще никогда не занимался серьезными разработками.

А что, если весь сыр-бор из-за Регины? Как ни крути, а она все-таки поет в ресторане, а в ресторан заходят всякие темные личности. Регина до чертиков хороша собой, она вполне могла пригласиться какому-нибудь бандиту. Но в таком случае первым пострадал бы Виктор, ее официальный жених, а вовсе не Олег. Он и встречался-то с Региной с глазу на глаз всего

несколько раз, причем каждый раз все более неохотно. Регина – чудесная девушка, но ему она совершенно безразлична, потому что... Потому что на свете существует Таня Волгина.

А может быть, его вообще взяли по ошибке? И когда все выяснится, просто вышвырнут за ворота: с глаз долой? Или прикончат – чтобы не болтал. Олег обдумывал каждую версию и раз, и два, и три...

Ночью в комнате стало холодно, как в склепе. Ему не связали руки, он мог свободно двигаться, и это помогало ему хоть ненадолго согреться. Хорошо хоть, пол деревянный, а не бетонный, и есть шанс не получить воспаление легких. Хотя в любой момент могут появиться бандиты и всадить в его здоровые легкие парочку пуль. Неведение было страшнее пистолета. Неведение и тревожное ожидание. Он ждал какого-то развития событий, прикидывая, как поведет себя в том или ином случае. Сумеет ли побороться за свою жизнь? И лишь к концу первых суток впервые ему в голову пришла мысль о том, что за ним вообще могут не прийти. Никто. И никогда.

* * *

– Тебя как будто что-то беспокоит? – спросил Павел, наклонившись вперед. Он нежно взял Таню за руку.

Она уже хотела было признаться, что весь вечер чувствует себя не в своей тарелке и ее даже немного мутит, но в последний момент передумала. Когда мужчина готовится к любовному штурму, не стоит рассказывать ему о том, что у вас неприятное чувство в животе. Физиология плохо влияет на романтику отношений, а тот, кто утверждает обратное, обычно проводит вечера в гордом одиночестве перед телевизором с грелкой на пояснице.

– Да нет, ничего. Просто ты меня немножко сбиваешь с толку. Готовишь какой-то сюрприз, хотя мы так не договаривались...

Она обиженно посмотрела на Павла, но тот лишь усмехнулся, прижал ее руку к своей щеке и легонько поцеловал кончики пальцев.

– Но милая моя, о сюрпризах обычно и не договариваются...

Она всегда ненавидела этот приторно-ласковый тон. До тех пор пока они не ступили на зыбкую почву личных отношений, он никогда не обращался к ней столь покровительственно. И Таня немедленно подумала: «Ерунда на постном масле! Если двоих сжигает страсть, им, конечно, некогда о чем-то там договариваться. Но сейчас-то все заранее срежиссировано, как бродвейский мюзикл. И дозированное нетерпение Павла выглядит просто нелепо».

– Я уже наелась, – заявила Таня, высвободив обцелованную Пожидаевым руку и откидываясь на спинку стула.

– Тогда попей пока чайку, а я еще раз позвоню партнерам. О'кей? А потом вернусь за тобой, и мы отправимся в свой вагон.

Таня подумала, что, если закажет чай сразу после шампанского, на официанта от изумления нападет столбняк. Однако Пожидаев предусмотрительно сделал ему «прививку» от столбняка, оплатив счет и прибавив к нему щедрые чаевые. После чего удалился, поцеловав Таню не то в шею, не то в ухо и обдав запахом уже знакомого парфюма. Ей стало щекотно и захотелось чихнуть.

Не успела она немного прийти в себя, как услышала обращенные к ней слова, и что примечательно – на чистом русском:

– Ах, дорогуша, я просто не могла прервать вашу милую беседу с милым кавалером, но меня все это время просто распирало от любопытства – вы из России, да?

Таня повернула голову и с изумлением уставилась на женщину-попугая, которая уже успела посадить томатное пятно на свою кофту с рюшами.

– Да, из Москвы. А вы?..

Несмотря на природное дружелюбие, как раз сегодня она не была готова завязывать знакомство с попутчиками, которые обязательно будут размахивать у нее перед носом своими корнями. Но сразу же встать и уйти показалось ей вопиюще невежливым.

– Мы – американцы, – заявила мадам. Алая губная помада лежала на ее губах таким густым слоем, будто ее выдавливали из тюбика, как горчицу. – Натурализованные, а не натуральные, разумеется! – хихикнула она. – То есть речь, конечно, обо мне. Кстати, меня зовут Элен, очень приятно. А вот мой сын Тоби – истинный гражданин США, родился на территории штата Аризона. Тобик, поздоровайся с нашей очаровательной попутчицей!

Вероятно, Элен натурализовалась в Америке довольно давно и подзабыла, что на ее исторической родине Тобиками обычно называют кобелей, а не младенцев.

– Тоби Мирман, – представился ее огромный сын, опалив Таню взглядом своих обсидиановых глаз. – Я рад видеть вас чрезвычайно.

У него был чудовищный акцент и мощная аура. Когда он уставился на Таню, у нее появилось чувство, будто ее просвечивают рентгеном, прежде чем вскрыть, как подопытную лягушку. Энергия, исходившая от Тоби, казалась мощной и осязаемой. Словно он был большой и лохматой электростанцией.

– Очень приятно, а я – Татьяна Волгина, – улыбнулась Таня, подавив раздражение. И вежливо добавила: – Надеюсь, ваше путешествие проходит хорошо.

Однако Элен не позволила ей ускользнуть в нейтральные воды и дала залп из всех орудий, перегнувшись через проход и выпалив страшным шепотом:

– Есть кое-что, что вам необходимо знать. Кое-что важное! Тоби, ты должен сказать Татьяне все, что недавно сообщил мне. Твои слова могут изменить ее судьбу!

Таня недоверчиво улыбнулась и тут же нахмурилась. Не очень приятно, когда кто-то считает, что способен повлиять на твою судьбу.

– Может быть, вы присядете за наш столик? – между тем предложила Элен с нескрываемым сочувствием. – Всего на минуточку. Ведь говорить через проход не очень удобно. Особенно учитывая то, что Тоби собирается пророчествовать.

– Пророчествовать? – Таня, которая отлично умела противостоять наглцам всех мастей и легко распознавала пустых приставал, на сей раз неожиданно ступсевалась.

– Мой сын колдун, – прежним громким шепотом сообщила Элен, взволнованно тряся оборками. – Не какой-то там шарлатан, а настоящий колдун. У него есть передача на телевидении, называется «Тоби Мирман говорит». Люди верят ему, хотя и побаиваются, конечно. Он многое умеет, мой мальчик, – закончила она с непередаваемым выражением обожания на лице. Кажется, в уголке ее тщательно покрашенного глаза даже появилась прозрачная слеза умиления.

– Знаете, я не слишком доверяю пророчествам, – нервно ответила Таня, сделав маленький глоточек чая. Ей страстно не хотелось связываться с кем бы то ни было, а уж тем более с колдуном.

– Мама, я столько раз тебе говорил, что человек сам должен задать мне вопрос, это важно, – по-английски отчитал Тоби свою эксцентричную мамашу.

– Но у тебя же миссия! – возразила она испуганно. – Ты несешь людям благо, мой дорогой. И этой девушке в том числе!

– Не надо мне ничего нести! Я не хочу знать свою судьбу, – безапелляционно заявила Таня. – Это называется – программировать человека на определенные действия. Вот вы возьмете и скажете, что я должна умереть от чахотки ровно через год, и мое подсознание сохранит эту информацию, а потом организм начнет выполнять ее как заданную программу. Нет, нет и еще раз нет.

– Видишь, мама, ее голова забита информацией, которую она считает истиной, ей ни к чему мое искусство.

– А вы знаете, что индейцы хопи до сих пор знамениты своими пророчествами? С их шаманами никто не может сравниться!

– Вы наполовину индеец хопи? – удивилась Таня. Ничего индейского, на ее взгляд, во внешности Тоби не было и в помине. – И фамилия Мирман тоже индейская?

– Нет, у Тобики есть отчим, – гордо заявила Элен, закинув ногу на ногу с таким видом, словно на ней было надето элегантное платье, а не куцые штаны, удобные в дальней дороге. – Он простой бухгалтер, однако поступил честно и порядочно. Хотя, по большому счету, он неудачник... Но фамилию моему ребенку дал. Дело в том, что у индейцев хопи вообще нет фамилий. Они отказываются от американских паспортов и гражданства США, так как считают это государство потенциальным убийцей человечества.

«И как же вам удалось окрутить шамана из такого племени?» – хотела спросить Таня. Вопрос едва не прыгнул у нее с языка, но она сдержалась. Почему-то ей пришло в голову, что именно несчастный бухгалтер Мирман и был родным отцом Тоби. Возможно, неординарная внешность мальчика стала тому причиной, но Элен рассудила, что гораздо выгоднее придумать легенду, которая откроет ее сыну дверь в жизнь, полную больших возможностей и больших денег. Телевидение, толпы экзальтированных поклонниц, подражатели и приверженцы...

– Тоби, Элен, простите, но я должна идти, – сказала Таня, аккуратно положив чайную ложку на блюдечко.

Леший его разберет, может быть, она ошибается и этот мужик действительно потомственный колдун? В таком случае лучше держаться от него как можно дальше. Она встала, решив не дожидаться, пока Пожидаев вернется за ней. Если он все еще занят серьезными разговорами, она подождет где-нибудь поблизости.

Таня поднялась и, сделав шаг, очутилась в проходе, совсем близко от Тоби Мирмана, который смотрел на нее черными глазами, похожими на раскаленные угли. Ей показалось, что в его зрачках пляшут кровавые точки.

– Я вижу, подсознательно ты хочешь знать то, что знаю я, – сказал колдун. – А я знаю только одно: ты в опасности.

– Но я же просила вас не пророчествовать, – в голосе Тане появилась особая хриплая нотка, не обещающая ничего хорошего.

– Да вы послушайте, что он говорит! – зашипела Элен, прижав руки к груди.

Тане показалось, что сделала она это лишь для того, чтобы не вцепиться в ее рукав.

– Ты в опасности из-за своего друга, – продолжал демонический Мирман, распрямив плечи и сдвинув густые брови к переносице. – Лучше, чтобы его не было рядом с тобой.

Голос Тоби рокотал, как мотор хорошо отлаженного автомобиля.

– Я должна идти, – снова повторила Таня уверенно.

Она уже развернулась, готовая ринуться по проходу к двери, а Мирман продолжал вещать все так же размеренно, словно она стояла на месте, оглушенная, и внимала его речам, как несчастный бандерлог удаву:

– В опасности сейчас и тот человек, о котором ты все время думаешь.

Таня замерла. Она сразу же представила себе Олега и вдруг испугалась до дрожи.

Слова колдуна поразили ее, точно нож, пущенный натренированной рукой и попавший прямо в спину. Она невольно свела лопатки. Потом тяжело сглотнула, повернула голову и посмотрела Тоби Мирману прямо в переносицу:

– Что вы об этом знаете?

Вдруг ее тревожное состояние и в самом деле связано именно с Олегом? Что, если ему действительно что-то угрожает? А она из-за своих суеверий может упустить важную информацию!

– Я знаю, что нельзя форсировать события. Не делай резких движений. Сначала все должно разрешиться здесь, а потом уже там. Одно должно следовать за другим. Не возвра-

щайся домой раньше времени, иначе черные тучи никогда не рассеются. А теперь ступай, твои приключения начинаются.

В этот самый миг официант упустил из рук бокал. Бокал полетел вниз, стукнулся о край стойки и с мелодичным звоном рассыпался на кусочки. Этот громкий и неожиданный звук разрушил чары, и мир бросился Тане в лицо.

«Я что, с ума сошла? – подумала она, краснея. – Стою тут, как дурочка, и слушаю всякую чушь!» Она торопливо попрощалась и вышла из ресторана. Быстрым шагом прошла два следующих вагона, едва не обломав ногти о металлические ручки, которые выскальзывали из ее вспотевших рук. Сухонький старичок, попавшийся ей навстречу, отшатнулся, неловко подхватив очки, едва не свалившиеся с его носа. Только тут Таня осознала, как тяжело она дышит, и, остановившись в следующем тамбуре, прижалась лбом к стеклу. Стекло было ледяным. За окнами проносилось неведомое что: темные сгустки растительности, столбы, виноградники – все превратилось в черную бугристую мешанину без луны и звезд. Лишь изредка темнота прямо в лицо вышвыривала переезды со шлагбаумами, освещенные мертвенным светом.

Она зашла в туалет и умылась, позабыв, что у нее подкрашены ресницы. Вытерла лицо бумажной салфеткой и посмотрела на себя в зеркало. Бледная, с черными подтеками под глазами, она была совсем не похожа на ту женщину, которую ожидает ночь любви с красавцем-боссом. «Дурацкий колдун! – сердито подумала Таня. – Совершенно выбил меня из колеи. Никогда не думала, что я такая внушаемая. И куда, спрашивается, подевался Павел?! Тоже мне, обольститель!»

Вероятно, Пожидаев отправился в купе и именно оттуда вел свои важные переговоры. Тане было немного обидно, что он бросил ее и занимался делами, хотя, по ее разумению, должен был не отходить от нее ни на шаг. «Привык, что девицы вешаются ему на шею гроздьями, и ведет себя, как законченный эгоист».

Когда она вошла в свой вагон, то увидела какого-то типа в коротком черном плаще, который выходил из их с Павлом купе. За собой он катил пожидаевский чемодан.

– Эй! – крикнула Таня изумленно. – Мсье, послушайте!

Тип обернулся, сверкнув угрюмыми квадратными очками. Она заметила, что челюсть у него тоже квадратная. Поглядев на Таню, тип бросился бежать, чемодан, который он вез за собой на длинной ручке, загрохотал по проходу.

– Стойте! – закричала Таня уже в полный голос. – Я позову полицию!

Она побежала вслед за похитителем чемодана, и как раз в этот самый момент дверь дальнего купе отъехала в сторону и из нее вышла маленькая сухонькая старушка в старомодном костюме. На ногах у нее красовались ботильоны с кнопкой на боку. Старушка стояла как раз на пути очкастого, который бежал к тамбуру. Судя по всему, он просто решил втолкнуть ее обратно в купе и уже сделал быстрое движение рукой... Но, к невероятному изумлению Тани, старая дама с ловкостью отразила нападение. Более того, ее маленькая ножка взметнулась, и носок ботильона тюкнул похитителя прямо в коленную чашечку. Вероятно, удар был чувствительным, потому что тот вскрикнул, согнулся пополам, заскакал на одной ноге и, наконец, бросив свою добычу, скрылся в тамбуре.

– Это чужой багаж, мсье! Сколько можно вам повторять! – вслед ему сказала старушка возмущенным тоном. Затем повернулась к подбежавшей Тане и добавила по-английски: – Не ходите за ним, мадемуазель, этот человек может быть опасен. Возможно, у него есть нож. Знаете, одна из тех страшных штук, у которых лезвие выскакивает, как кукушка из ходиков.

Таня была рассержена и обескуражена. Пока она благодарила храбрую попутчицу, поезд замедлил ход. Появился встревоженный проводник. Он хмуро вникал в подробности произошедшего, то и дело поводя носом, как собака. Наконец, включив рацию, направился в сторону своего купе, что-то быстро забубнив и размахивая свободной рукой. Таня была уверена, что грабитель беспрепятственно сойдет на ближайшей станции и задержать его никто не успеет.

– Посмотрите, не пропало ли чего еще, – подсказала старушка, обратившая похитителя в бегство. – Поклажу никогда не следует оставлять без присмотра.

– Я думала, за чемоданами сейчас присматривает мой друг.

Однако Павла в купе не оказалось. Таня быстро проверила, на месте ли остальные вещи. Казалось, все в порядке. Тогда она принялась названивать Пожидаеву, но тот почему-то был недоступен, хотя у нее самой телефон отлично ловил сеть.

– Воры заходили к вам дважды, – явно смакуя свое участие в криминальном происшествии, заметила отважная старушка, возникнув в проеме двери, которую Таня оставила открытой в надежде на скорое появление полиции.

– Дважды? – Таня растерянно посмотрела на нее.

– В первый раз этот тип был не один, а с подельником. Они сунулись было в ваше купе, но я их осадила. Я стояла в коридоре и любовалась осенней ночью. Видите ли, по какой-то дикой несправедливости пейзаж со стороны коридора всегда привлекательнее, чем со стороны купе.

Таня смотрела на нее во все глаза. За окном было абсолютно темно, так что старушенция или видела в темноте, как вампир, или пейзаж существовал только в ее воображении.

– А мой друг? Вы заметили его? – спросила Таня.

– Нет, – ответила старушка. – Но я обратила на вас внимание на перроне, когда вы садилась в поезд. Ваш друг очень, очень импозантный. Похож на моего бывшего садовника. У него такие же голубые глаза...

Она вздохнула так выразительно, что сразу стало ясно – отношения с садовником не ограничивались распоряжениями относительно урожая груш или стрижки газонов.

– Меня зовут Джейн Родмен, – сообщила старая дама и сунула Тане в руку свою сухонькую ладошку.

Та в свою очередь представилась и спросила:

– Как вы думаете, миссис Родмен, его поймут? Я имею в виду, этого типа в очках.

– Конечно, нет! – радостно ответила та. – Он ведь ничего не украл. Снимет очки, плащ – и все дела. Обратите внимание: ни у вас, ни у меня проводник даже не спросил о его особых приметах.

– Вам не кажется, что этот проводник ведет себя по меньшей мере странно? Здесь только что был вор, а он...

– Ничего странного, милочка. В поездах теперь ездить так же опасно, как в лондонской подземке. Впрочем, лично я в этой подземке не бывала, потому что предпочитаю передвигаться на автомобиле. Вы водите машину?

Настырная миссис Родмен не давала Тане сосредоточиться. Когда явился проводник уточнить, украли чемодан или все-таки не украли, старушка уверенно взяла переговоры в свои руки. Таня все это время безостановочно набирала номер Павла. Однако по-прежнему безуспешно.

– Абонент недоступен, – сердито сообщала она вслух.

Шарль Анри тоже понятия не имел, куда подевался пассажир. Пришлось возвращаться в вагон-ресторан, хотя Тане отчаянно этого не хотелось. Не хотелось из-за Тоби Мирмана, разумеется. Скорее всего, он и его мамаша все еще сидят за своим столиком. Но выбора не было. Поезд мчался вперед и вперед, пожирая мили, а Павел так и не появился. Миссис Родмен, сменившая ботильоны на легкие удобные туфли, пообещала стоять на страже возле купе и задерживать посторонних, даже если ей придется пустить в ход шоковый разрядник, который прежде она прятала во внешнем кармашке своего дорожного быоти-кейса, а теперь переложила в сумочку.

Таню всегда изумляли люди, которые с энтузиазмом ввязывались в чужие дела, грозившие им неприятностями. «Возможно, с возрастом вкус к жизни только усиливается? – подумала она растерянно. – Хочется быть сопричастным всему, что происходит вокруг, осо-

бенно если происходит нечто неординарное». Оправдав старушку Джейн, Таня снова принялась думать о Пожидаеве. Вдруг с ним случилось что-нибудь ужасное? По правде сказать, такая мысль пришла ей в голову впервые. Павел не мог сойти на какой-нибудь станции, не предупредив ее и бросив свои вещи. И хотя Шарль Анри активно не нравился Тане, все же он находился при исполнении и должен был знать, кто и когда покинул поезд.

К ее огромному облегчению, Мирмана с мамашей в ресторане не оказалось – но оставленный ими столик до сих пор словно излучал энергию, которой зарядил его колдун. «Почему я поверила в то, что этот парень действительно может что-то такое предсказывать? Мне ведь сразу пришла в голову мысль о том, что он шарлатан. Настоящие колдуны, если они и существуют, не ведут телепередачи», – принялась ругать себя Таня. Однако мурашки снова пробежали по ее спине, стоило ей вспомнить пронизывающий взгляд «Тобика».

Официанты уверенно заявили, что ее спутник не возвращался в ресторан. Они бы непременно заметили его, даже загляни он на одну секундочку. Ничего не оставалось, как идти обратно, несолоно хлебавши. Не может же она болтаться возле ресторана вечно! Уж наверняка Павел догадается, что, не дождавшись его, она вернулась на свое место.

– Мой друг не появлялся? – еще издали спросила она у старой леди, которая несла караул возле купе. Лицо у той было непроницаемым, только глаза сверкали, как у кошки, заприметившей открытую форточку.

– Нет, милочка, не вернулся, – с живостью откликнулась миссис Родмен.

– Не представляю, куда он мог подеваться.

– Или он встретил каких-нибудь друзей, – предположила ее новая знакомая, – или его уже нет в поезде.

– Но он не мог сойти, не предупредив меня, – уверенно возразила Таня.

– Возможно, его силой заставили сойти. Эти типы, которые хотели похитить чужой багаж, не были похожи на обычных воришек.

– А на кого? – растерялась Таня.

Исчезновение Павла и попытка выкрасть его чемодан до сих пор существовали в ее сознании по отдельности. Ей и в голову не пришло связать оба эти происшествия.

– Не знаю на кого, – пожалала плечами старушка. – Но они вели себя слишком нагло для тех, кто обчищает пассажиров. Кстати, у вас великолепный английский!

– Я хорошо училась в школе, – коротко ответила Таня.

Ей не хотелось вдаваться в подробности. На самом деле английскому учил ее сосед по лестничной площадке, бывший разведчик, который отчаянно жалел девочку, практически брошенную родителями на произвол судьбы. Так что язык у нее действительно был на высоте.

Дальнейшие несколько часов превратились для Тани в череду долгих и путаных разговоров с людьми, которых приводил Шарль Анри. Один из них был начальником поезда. Он смотрел на Таню с недоверием и задавал дурацкие вопросы. Лишь потом выяснилось, что нашлись свидетели, видевшие Пожидаева с какой-то молодой женщиной. Тане удалось уяснить лишь то, что та была брюнеткой и носила туфли на очень высоких каблуках.

– Мы находимся в свободной стране, – напомнил Тане Шарль Анри, у которого, вероятно от недосыпа, покраснели глаза. Не плакал же он в самом деле из-за того, что кто-то куда-то исчез.

– Советую вам, милочка, проверить чемодан, который удалось спасти, – сказала миссис Родмен, составлявшая Танину «группу поддержки». Старушка и слышать не желала о том, чтобы отправиться спать, оставив «милочку» в одиночестве. – Возможно, в чемодане что-то лежит. Что-то особенное, – предположила она. – Вы это увидите и сразу поймете, что случилось.

Таня не особенно в это верила. Да и что там могло лежать? Разве что записка, которую Пожидаев написал, пока она ковыряла ложечкой десерт в вагоне-ресторане? Лучше уж дей-

ствительно поднять крышку и поглядеть, все ли в порядке с этим чемоданом. Вдруг его вообще подменили и внутри лежат не рубашки и свитера, а что-то совершенно иное. Деньги, например. В фильмах она множество раз видела подобные эпизоды. Крышка откидывается, а там... Но ведь это не фильм, а реальная жизнь.

То, что это реальная жизнь, Таня убедилась через пару минут, когда чемодан был открыт, а его содержимое выставлено на всеобщее обозрение.

– Ничего нет, – разочарованно сообщила девушка, покопавшись в сложенной одежде.

Тут были свитера и галстуки, дорожный несессер, книга, пара чистых блокнотов, солнечные очки... Перебирая одежду Пожидаева, Таня чувствовала себя ужасно неловко. Вдруг сейчас откроется дверь и войдет он сам? Здорово же она будет при этом выглядеть! Однако дверь не открылась, и девушка вынуждена была признать, что попала в невероятно сложную ситуацию. Что делать? Как себя вести? Кого просить о помощи? Нужно ли обращаться в консульство или нет? Случилась ли с Павлом какая-то неприятность или же он просто сошел на одной из станций, что называется, по собственной инициативе? Возможно, уже утром он с ней свяжется и все объяснит. А если нет?

– Когда речь идет о красивых женщинах, мужчины склонны преуменьшать опасность, – с многозначительным видом заявила миссис Родмен. – Вашего друга видели с очаровательной брюнеткой, и французам это все объяснило. Начальник поезда понимающе усмехнулся, я сама видела эту усмешку. Вы что-нибудь знаете о каких-нибудь брюнетках?

– Нет, – покачала головой Таня. Чувствовала она себя при этом так, словно была законной супругой Пожидаева, обманутой и оскорбленной.

– А куда вообще вы едете? – полюбопытствовала миссис Родмен, которая явно получала огромное удовольствие не только от своего допроса, но и вообще от всего происходящего.

В какой-то момент Тане захотелось избавиться от нее, чтобы спокойно обдумать ситуацию. Она даже заготовила вежливую фразу: «А разве вы не хотите немного поспать?» Но в последнюю минуту прикусила язык. Если старушка уйдет к себе и больше не вернется, Таня останется в полном одиночестве. Несмотря на то что она целый год прожила в Париже и эмоционально чувствовала себя в Европе довольно свободно, с чисто юридической точки зрения все же находилась на чужбине, далеко от дома.

– Мы должны были сойти в Марселе, – ответила она на вопрос старой леди. – А что дальше – я не знаю. Мой друг готовил для меня какой-то сюрприз.

Миссис Родмен некоторое время морщила лоб. На ее остром загорелом личике появилось выражение глубокой задумчивости.

– Так может быть, это и есть часть сюрприза? – наконец спросила она, уставившись на Таню глазами цвета спелых каштанов.

Таня растерянно посмотрела на нее. «Если у Пожидаева именно такое представление о сюрпризах, – подумала она, – то он просто идиот». Потом покачала головой и вслух сказала:

– Вряд ли. Мой друг, он... Он не такой человек.

– Все мужчины становятся «такими», когда речь идет о любви. Даже сухарь может раскиснуть, если как следует постараться. Возможно, та брюнетка – всего лишь дикая случайность и все делается исключительно ради вас.

– Если честно, я не знаю, как правильно поступить. Мне нужен совет.

– Я дам вам совет, – с готовностью заявила миссис Родмен. В ее голосе звучала убежденность, которая кажется привлекательной тем несчастным, которые попали в затруднительное положение.

– И что же это за совет? – спросила Таня с надеждой.

Обе женщины отражались в стекле антрацитового цвета, похожие на двух актрис, движущихся на экране телевизора.

– Вам нужно сойти в Марселе, оставить в гостинице вещи и прогуляться по городу. И посмотреть, что будет дальше.

– А если ничего не будет? – заволновалась Таня.

– Тогда вы купите билет на самолет и полетите домой.

– Вы с ума сошли!

– Или обратитесь в русское консульство, – невозмутимо добавила старушка. – Если вы ударитесь в панику сразу, то можете испортить сюрприз. Боже, до чего же я романтична! Вот подавай мне всякие любовные приключения, и все тут. К слову, я вынашиваю план завести роман с каким-нибудь пожилым французом. Я вас не очень шокирую своей откровенностью?

– Отнюдь, – пожала плечами Таня и выпалила: – Кстати, пропавший мужчина – мой босс. Хотя он имеет на меня виды. А я вас не очень шокировала своей откровенностью?

– Ну что вы! Сказать по правде, меня шокируют только цены на Бонд-стрит, – отрезала миссис Родмен. – Кстати, милочка, имейте в виду: я не брошу вас на произвол судьбы. Более того, я составлю вам компанию! И не спорьте. Мы вместе выходим в Марселе, берем такси и едем в гостиницу. Чтобы день не прошел зря, нам нужно немного поспать. – Она посмотрела на свои крохотные, богато инкрустированные часики и всполошилась: – Осталось всего несколько часов до рассвета. Вы сможете заснуть, милочка? Нет? Тогда я принесу вам успокоительное.

– У меня нет воды, чтобы ее запить, – попыталась отказаться Таня.

Однако старушка, вероятно, привыкла к тому, что ее слушаются беспрекословно.

– Это такая маленькая таблетка, которую без труда сможет проглотить даже морская свинка. Так что не спорьте, милочка, поспать вам все-таки придется.

Таня сдалась и покорно кивнула. Если в трудную минуту рядом с вами оказывается кто-то с сильным характером, возникает искушение опустить руки и плыть по течению. Тане было себя очень жалко. А что, если бы она путешествовала по Европе вместе с Олегом и это он бесследно исчез из вагона? «Нет, не хочу думать о таком кошмаре. Это просто страшный сон, и ничего больше».

* * *

Жора по кличке Дятел подъехал на своей раздолбанной машине к высокому забору, монументальному, словно стены какого-нибудь средневекового замка. Здесь были даже башенки и бойницы, возможно, настоящие, предназначенные для обороны. Дом строился в лихие девяностые, а теперь стоял пустой, брошенный, взирая на случайных путников исподлобья, словно бездомный пес. Если бы Жора был человеком чутким, он ощутил бы тоску или угрозу. Но поскольку его черствую душу с момента рождения не увлажнила ни капля человеческой доброты, Жора не почувствовал ничего.

Он задрал на себе куртку и полы замусленной клетчатой рубашки, сопя, отцепил от пояса связку ключей и открыл ворота. Загнав машину на участок, снова выбрался наружу и, похрустывая гравием, направился к дому. В кармане у него лежал план, нарисованный шариковой ручкой. На листке бумаги, вырванном из блокнота, отпечатались все шероховатости барной стойки, на которой он лежал, когда делали рисунок. Крестиком отметили ту комнату, которая была ему нужна.

Несмотря на то что дом был довольно большим, построенным хитро, с переходами и двумя террасами, Жора довольно быстро сориентировался. Возможно, среди всего этого молчаливого нагромождения бетона, туфа, мрамора, декоративного ракушечника и мореного дуба он, как аллигатор, обнаружил добычу всего лишь по упрямому биению человеческого сердца. Не таясь и не думая о том, что пленник может с ним заговорить, Жора внимательно осмотрел дверь и сплюнул. Работа представлялась ему несложной, но и заплатили за нее с гулькин нос.

Некоторое время ушло на то, чтобы притащить к двери кирпич и замесить раствор. Скинув куртку, он принялся за дело, и когда первый пот промочил его выдавшую виды майку с крохотными, будто бы прогрызенными жучками-древоточцами дырками, из-за двери его окликнул хриплый низкий голос:

– Эй! Слышишь меня?

Тембр голоса ясно давал понять, что горло говорящего высохло, как старая коряга, выброшенная на солнцепек. Столько в нем было дерущей слух хрипоты.

– Слышу, – сказал Жора, сунув в рот сигарету и хищно щелкая зажигалкой. – Слышу, но не вижу, – добавил он и хохотнул, радуясь собственной шутке.

Среди своих хохмить ему не позволялось: каждая его попытка завершалась комментариями о том, что он тупой и к тому же дятел и лучше ему держать клюв на замке. Он и держал, веря тому, что он действительно тупой, и не видя в этом никакого для себя унижения.

– Когда я смогу поговорить с твоим боссом? – голос появился снова, и Жора поморщился. Он не особо любил болтать во время работы, его это отвлекало. Он опасался сделать что-нибудь не так.

– Если босс придет сюда, поговоришь, – глубокомысленно изрек Жора.

По тому, как сильно и сладко он затягивался, становилось ясно, что он никогда не слышал слова «флюорография» и не видел страшных иллюстраций с подписью: «Легкие курильщика».

– А когда он придет? – поинтересовался настырный голос.

Жора ничего не ответил, затоптал бычок и снова принялся за дело. Шлепанье мастерка, выравнивающего цемент, доставляло ему удовольствие, и он нетерпеливо поморщился, когда голос возник снова. Теперь он звучал гораздо ближе, словно тот, кто находился внутри, приткнулся к двери щекой.

– Кроме тебя, здесь есть кто-нибудь?

Жора на секунду задумался: если сказать, что он тут один, не будет ли для него это опасным? Потом понял, что бояться ему нечего, но на всякий случай ответил:

– Есть кое-кто.

– Позови! – потребовал голос, и Жора впервые за все это время забеспокоился.

Командные нотки всегда рождали в его душе неуютное чувство – вины или страха, и он спешил поскорее исполнить приказание. Однако тот, кто находился внутри комнаты, был пленником, его надлежало замуровать. Ему сто раз повторили это слово – замуровать! – вбивая его в голову Жоры, словно гвозди в сухую доску.

– Да пошел ты, – наконец ответил он и стал работать быстрее, чтобы избавиться от этого надоедливого типа. – Я с тобой больше не разговариваю, – на всякий случай сообщил он, чтобы оправдать свое грядущее молчание.

После чего отключился и не вникал в слова, доносившиеся до него из-за свежей кирпичной кладки и становившиеся все глуше и глуше. Завершив начатое, Жора убрал за собой, оттащив инструменты, ком шуршащей клеенки и остатки раствора в сарай. Путь туда лежал вдоль задней стены дома, и Жора во время третьей ходки сообразил наконец, что движется мимо той самой пристройки, дверь которой он только что заложил кирпичом. Остановившись, он огляделся по сторонам, словно обозревал окрестности глазами узника и прикидывал, можно ли отсюда выбраться.

Вокруг было очень много зелени. Дикий орешник перевалил через стену и вломился в благородную изгородь садовых кустарников. Его большие желтые листья нахально смешивались с алой листвой боярышника, украшенного лаковыми каплями ягод, нависали над жесткими кустами ирги и кругло остриженным крыжовником. И тут взгляд Жоры упал на круглое окно, зиявшее в скошенной крыше пристройки, словно потайной ход. Оно находилось на небольшой высоте, стекло в нем было разбито.

Жора, конечно, не блистал умом, как академик Ландау, но даже он понимал, что означает слово «замуровать». Поэтому разбитое окно, украшенное искрящимися, как лед, зазубринами, невероятно его взволновало. Недолго думая, он принес из сарая короткую лестницу и взобрался на скошенную крышу. Лег животом на холодную, пропитавшуюся осенней влагой черепицу, подтянулся на руках и заглянул в окно.

Пленник сидел возле дальней стены, привалившись к ней спиной. С первого взгляда было ясно, что он здорово изможден. «Может, его уже очень давно заперли, – подумал Жора, – а может, парень скакал по комнате, бился в дверь, пытался рыть подкоп и орал во все горло, призывая на помощь. Вот и выбился из сил. Окно-то ведь он как-то сумел высадить. Наверное, подпрыгивал и лупил в него ботинком. И много ли ему проку от этого окна?»

На самом деле прок был, но Жора об этом не догадывался. Ночью шел сильный дождь, и несколько увесистых капель воды, скопившейся в листьях, скатилось в дрожащие, сложенные лодочкой ладони пленника. Конечно, нескольких капель было мало, слишком мало! Губы пленника растрескались, как земля, которую выжаривает солнце, а засуха ломает неровными ломтями.

Перевернувшись с живота на спину и упершись каблуками в удачно подвернувшуюся металлическую скобу, Жора достал из кармана мобильник и набрал заученный наизусть номер. Ему никто не ответил. Гудки были такими длинными и громкими, что, казалось, их слышно на весь лес.

Он продолжал ждать, глядя в серое небо, клубящееся, словно дым над печной трубой. В кронах деревьев что-то стрекотало и прыгало, один раз над его головой пролетела увесистая распушенная белка. В противовес кипящей наверху жизни у Жоры появилось чувство, будто он лежит на свежевырытой могиле. Однако чувство было мимолетным и тут же ушло, уступив место глубокому и простодушному недоумению. Ни один телефон из трех, которые были отпечатаны в его памяти, не отвечал. Это показалось ему неправильным, странным.

Он спустился вниз, зацепившись штаниной за невидимый гвоздь. Тихо матерясь, дернулся, и что-то с треском порвалось, заставив его разозлиться. Почему никто не отвечает? Он выполняет важную миссию, и у него возникли вопросы. Что, черт подери, ему теперь делать? Добравшись до машины, он плюхнулся на водительское сиденье, твердо решив ехать домой. Однако мысль о том, что потом, возможно, ему прикажут возвратиться, чтобы завершить начатое, заставила его остаться на месте. К тому времени вместо живого чувака в комнате просто может оказаться трупешник, и тогда из окна будет вонять, как из склепа. Наверное, надо заложить эту дыру прямо сейчас, не дожидаясь указаний. Но что, если дядя хочет, чтобы чувак пожил подольше? Дядя ведь должен знать об этом окне, будь оно неладно!

Жора включил телефон и долго прокатывал туда и обратно список контактов. Наконец остановился на том человеке, который показался ему наиболее подходящим, и нажал зеленую кнопку вызова.

– Ну, чего тебе, придурок? – коротко ответили ему.

По одной этой фразе академик Ландау, несомненно, разгадал бы в собеседнике Жору если не родного его брата, то уж брата по разуму несомненно. Это был туповатый и выращенный на теневой стороне жизни тип, для которого самостоятельное мышление было такой же сложной штукой, как законы термодинамики.

– Ты знаешь, где дядя? – спросил Жора. – Мне надо с ним поговорить.

– Дятел, ты чего, обширялся? Дядю твоего вчера из карьера выловили.

– Да иди ты! Я лучше Байде позвоню.

– Байда с ним вместе был. И Михалыч тоже. Все трое плавали кверху брюхом в воде, когда их нашли. Они в свой лесной дом ездили, сечешь? А потом, говорят, Байда с управлением не справился, и джип на повороте завалился в карьер.

Жора некоторое время молчал, дав винтикам в своей голове сделать несколько оборотов.

– А чего мне теперь делать? – растерянно спросил он наконец. – Я как раз в лесном доме, и тут проблема у меня. Я дядино задание выполняю.

– Дятел, ты дурак? Какое теперь задание? Вали оттуда, понял? И сиди тихо в своей мастерской, кастрюли луди.

– У меня тут чувак один...

– Заткнись, козел! – проревел его собеседник, и короткие гудки бросились обгонять друг друга.

Жора некоторое время сидел неподвижно, уставившись в лобовое стекло машины, по которой уже лет пять плакал пресс на автомобильной свалке, и пытался шевелить отпущенными богом мозгами. Потом вздохнул, выбрался наружу, достал из багажника пластиковую бутылку с водой, а из бардачка два бутерброда с сыром, завернутые в бумажную салфетку. Вернувшись к лестнице, он снова забрался на крышу, сунул нос в темницу и сказал:

– Эй, ты! Вот тебе, лови.

С этими словами он скинул вниз бутылку и сверток, шлепнувшийся на пол с глухим стуком. Бутылка прокатилась по всей комнате, как сбитая кегля.

Не то чтобы как надо сработали Жорины мозги. Скорее, звериным чутьем он понял, что, потеряв покровителей, лучше не отнимать чужую жизнь. Иначе может пострадать его, Жорина, шкура. Кому-то она, может, и кажется дешевой, а ему так очень даже дорога.

– За тобой никто не придет! – сообщил он напоследок узнику, который по-прежнему сидел у стены, безвольно опустив руки. Только веки его на секунду приподнялись, и из-под них жутким стальным блеском сверкнули глаза.

Жора спустился по лестнице вниз и, ворча, отнес ее обратно в сарай. Вывел машину, запер ворота и засунул ключи глубоко в карман куртки. Может быть, дядя упомянул его в своем завещании? Что, если он оставил этот дом ему, единственному племяннику? Тогда надо было бы выпустить того чувака. Вот только возиться неохота. Снова разбирать кирпичи... Кроме того, вдруг появится какой-нибудь перец из дядиного окружения и спросит, хорошо ли он выполнил поручение. Нет, лучше не рисковать.

Жора включил радио и, насвистывая, повел машину по проселку, ловко объезжая лужи и ухабы.

* * *

– Телефон! – сонно пробормотала Регина, ткнув Виктора атласной пяткой под коленку. – Ради бога, ответь поскорее.

Ее шелковистые волосы разметались по подушке и стекали вниз солнечным водопадом. Виктор перегнулся через девушку, мимоходом отметив: «До чего же хороша, чертовка!» – снял трубку и резко сказал:

– Да, слушаю.

– Это Потапов? – Голос на том конце провода заставил Виктора мгновенно проснуться. – Господин Потапов, я по поводу переговоров.

Виктор резко сел и глянул в окно. За окном лил дождь, и вода, валившаяся с неба, казалась грязной из-за серых домов и бурых фонарей с мертвыми плафонами.

– Мы готовы к переговорам, – заявил Виктор, постаравшись нащупать верный тон. – В следующий вторник, как договаривались, документы будут представлены.

От этих переговоров зависело очень многое. Процветание архитектурной фирмы «Самшит» началось с человека, от чьего имени говорил позвонивший. Да, они все в поте лица зарабатывали себе репутацию, да, у них отличная клиентская база и гарантированный кусок хлеба. Но масло на хлеб они мажут благодаря одному-единственному заказчику, строившему галереи,

дома, охотничьи домики, лодочные сараи и оранжереи по всему миру. До сих пор он был не просто лоялен, он был чрезвычайно к ним расположен.

– А мы считаем, что вы не готовы вести диалог, – отрезал голос.

– Разве что-то не так? – Виктор одним резким движением скинул ноги с кровати и подошел к окну. Пол с подогревом приятно грел подошвы. Тепло и уют спальни резко контрастировали с непогодой, бушевавшей за окнами. Мокрый голубь с выпученным глазом, похожий на чудовище из фильмов про зомби, жался к стеклу, топоча лапками по жестяному подоконнику.

– Да уж кое-что определенно не так. Нам стало известно, что господин Скворцов не будет принимать участия в запланированной встрече.

– Он уехал по личным делам, – ответил Виктор. Сердце его забилося так громко, что он испугался, как бы собеседник этого не услышал.

– Довольно странное решение, вы не находите?

– Бывают же у людей личные дела, – попробовал урезонить собеседника Виктор. – В конце концов, Олег не один работает над вашим проектом...

Ему не дали договорить, прервав довольно жестко:

– Если Скворцов не явится на встречу, все наши договоренности будут расторгнуты, а новый документ не вступит в силу.

– Но почему? – едва скрывая раздражение, спросил Виктор. – Наша фирма уже подтвердила свою репутацию...

– Фирмы создаются и закрываются, вам ли не знать, господин Потапов. Мы же работаем с конкретными людьми. С теми, которым доверяем. Скворцову мы доверяем безоговорочно. Он должен быть на переговорах, иначе можете смело все отменять.

– Погодите!

– Успехов вам. Надеюсь, до встречи.

Виктор швырнул трубку на кровать, которая еще хранила отпечаток его тела. Регина грациозно перекатилась на спину и открыла глаза.

– Тебе нельзя волноваться, – напомнила она сонным голосом. – Забыл, что врач сказал?

– На мне все заживает, как на собаке, – буркнул Виктор.

– Хочешь кофе? – Регина потянулась, потом быстро сгруппировалась и кошкой соскользнула с постели.

В розовой шелковой пижаме, с пушистыми светлыми волосами она была похожа на ангела.

– Да, хочу кофе. И еще хочу убить Скворцова.

– Ну, прямо так и убить...

– Ты хоть понимаешь, как он нас подставил? Просто свинья, и все. – Регина ушла на кухню и там гремела чашками, поэтому Виктор повысил голос, чтобы она по-прежнему слышала все, что он говорит: – Позвонил и как ни в чем не бывало заявил, что берет отпуск за свой счет. Никто его на это не благословлял, никто не подписывал ему никаких заявлений...

– Может быть, он уехал зализывать раны? Расстроился из-за того, что ваша Таня отправилась в Швейцарию с другим мужчиной?

– Кто это – наша Таня? – огрызнулся Витька.

– Твоя лучшая подруга и бывшая жена, – звонко ответила Регина.

– Гражданская жена, на минуточку.

– Это не играет никакой роли. Женщина, с которой ты делишь свою жизнь, и есть твоя жена.

Виктор ухмыльнулся. Если бы все так и было, он записал бы себя в султаны. С кем только он не делил свою жизнь! Все-таки женщины – неисправимые идеалистки.

– Как ты думаешь, куда мог подеваться этот сверхэмоциональный тип? – спросил он, идя на запах кофе и усаживаясь за стол.

Не без удовольствия окинул глазами кухню – здесь все было красиво и стильно, тарелки в бело-голубой гамме отлично гармонировали не только с занавесками и полотенцами, но даже и с фарфоровыми ручками на резных шкафчиках. Он не особенно разбирался во всех этих штучках-дрючках, но общую картину его профессиональный взгляд оценивал сразу же.

– Олег – твой лучший друг, а не мой, – пожала плечами Регина. – Это ты должен знать, куда он мог отправиться зализывать раны.

– Я уже проверил все возможные места, – ответил Виктор. – Кстати, все время забываю тебя спросить: где ты видела его в последний раз?

– В больнице. – Регина удивленно посмотрела на него. – Когда бродила по коридорам, сама не своя от волнения.

– Еще бы ты не волновалась, ведь это твой поклонник меня подстрелил, – ухмыльнулся Виктор.

Ему нравилось напоминать ей об этом. Он знал, что она сердится, но ничего не мог с собой поделать.

– Я не знаю, почему должна извиняться за съехавшего с катушек человека, с которым не общалась шесть лет.

– Ладно-ладно. Собственно, меня больше интересует Олег. Вспомни, о чем вы говорили. Он ни на что не намекал? Может быть, он увлекся охотой и уехал стрелять куропаток? Или обмолвился, что у него ноют косточки, и он хочет погреться на пляжах Гонулулу?

– Нет. Я не знаю. Мы не говорили ни о чем таком... Мы вообще, кажется, ни о чем не говорили.

– Ясно, ясно... Ты плакала, он тебя утешал.

– Именно так и было. Таня тоже плакала, и ее он тоже утешал, – печально улыбнулась Регина. – Мы все здорово перепугались за тебя.

– Что же получается? Олег вышел из больницы и уехал на край света, не сказав никому ни слова? На него это совсем не похоже.

– Почему это – не сказав ни слова? Он же всем позвонил – матери, боссу...

– Но, судя по всему, был чертовски лаконичен. Черт, что же делать?

– Найти его, – пожала плечами Регина. – Тебе это по плечу, я уверена.

– Ты такая красивая, счастье мое, что все мужчины готовы проявлять в твоём присутствии лишь лучшие черты характера, – усмехнулся Виктор.

Встал, обошел стол и нежно поцеловал Регину в макушку, обняв ее двумя руками за шею. Она подняла на него чистые изумрудные глаза:

– Хочешь сказать, на самом деле вы не такие храбрые рыцари, какими хотите казаться? – Улыбка тронула ее губы. – Жалко. А я-то думала... Так что ты собираешься делать?

– Собираюсь взяться за поиски. – Телефонный разговор здорово расстроил Виктора. – Еще надо позвонить главному и обрисовать ему ситуацию. Он наверняка отдаст распоряжение немедленно отыскать этого путешественника. Блин, даже не знаю, с чего начать.

– А ты не хочешь позвонить Тане Волгиной?

Виктор остро взглянул на девушку. Вид у нее был вполне себе невинный. Хотя предполагалось, что Регина дико ревнует к Тане, которая занимала в сердце Виктора довольно много места. Потеряв статус любимой женщины, она тем не менее продолжала оставаться подругой его детства. Лучшей подругой! И поделать с этим Регина ничего не могла.

– Не знаю, – осторожно ответил он. – Может быть, придется позвонить. Даже наверняка придется. Главному же надо что-то сказать.

– Вить, ну мне-то можешь не парить мозги, – добродушно откликнулась Регина. – Я же знаю, что главный торопился назначить тебя вице-президентом именно потому, что хотел побыстрее переложить ответственность за дела фирмы на твои плечи. И хотя должность он за

собой сохранил, но ведь все бразды находятся теперь в твоих руках. Думаю, у старика столько проблем со здоровьем, что ему сейчас не до переговоров.

– Не скажи! – живо возразил Виктор. – Его финансовая стабильность напрямую зависит от нашего положения на рынке. Если «Самшит» потеряет главного заказчика, мы скатимся на прежние позиции, а это пошатнет не только наши доходы, но и нашу репутацию.

– Короче говоря, тебе во что бы то ни стало нужно найти Олега. И как можно скорее.

– Вопрос стоит иначе: я должен отыскать его до вторника.

– Не слишком много времени у тебя в запасе. – Регина сделала последний глоточек кофе.

– Значит, я буду шустрым, умным и находчивым, – ответил Виктор.

– А вдруг Олег отправился за Таней в Лозанну? – высказала предположение Регина. – Мне показалось, она ему очень дорога.

– Таня Волгина подцепила на крючок своего босса, – хмыкнул Виктор. – Вряд ли у Олега есть шанс втиснуться между ними.

– Не заставляй меня думать, что ты ревнуешь, хорошо?

Регина встала и отправилась ополаскивать чашки и мыть тарелки. Виктор нервно прошелся по кухне.

– Прости, я просто дико зол на Олега. Как будто он не знал, что у нас будут проблемы, если он слиняет.

– А вдруг с ним что-нибудь случилось? – немного помедлив, спросила Регина. – Что, если он отчаянно нуждается в помощи и ждет, когда ты появишься?

– Что с ним могло случиться? – проворчал Виктор. – Он отправился кататься на лодке, которая дала течь, и его вынесло волнами на необитаемый остров? Пошел по грибы и попал в волчий капкан?

– Допустим, что так. Вить, он может быть в беде.

Регина стояла спиной к окну. На фоне угрюмого осеннего пейзажа она казалась экзотическим цветком. В этот миг Виктор отчетливо понял, почему она так зацепила его. Это женщина-вампир, которая впивается в твое сердце, женщина-авантюра: с ней постоянно приключаются истории. Женщина-запал, которая поджигает в тебе все, что еще может гореть. Это настоящая женщина, в присутствии которой ты никогда не будешь думать о других. Он и не думал о других. Он жаждал обладать только ею. На секунду Виктор закрыл глаза, чтобы побороть внезапно нахлынувшие чувства.

– О чем ты задумался? – спросила Регина. Даже тембр ее голоса ласкал слух.

– Размышляю, что это – бабские бредни или пресловутая женская интуиция. Я начинаю думать, что Олег действительно во что-то вляпался.

– Позвони Тане, – еще раз повторила Регина, составив тарелки в сушилку и принявшись за вазочки для джема.

Виктор подошел сзади и ткнулся носом ей в шею.

– Не думай, что я ничего не понимаю. Тебе непросто даются советы, которые касаются Тани.

– То есть ты ценишь мое благородство? – кокетливо спросила Регина. – Мою широкую душу? То, что я наступаю на горло собственной ревности?

– Ценю, – ответил Виктор. – И я рад, что мы с тобой не друзья детства. Как видишь, друзья детства иногда могут стать настоящей головной болью.

* * *

Таблетка снотворного практически не подействовала на Таню. Так что утро она встретила, по-прежнему сгорая от беспокойства. Павел так и не появился и по-прежнему не отвечал на ее звонки. За окном проносились островки кипарисов, издали похожие на леденцы на

палочке, бесконечные крестовины виноградных лоз, чудесные сады... Таня, которая любила поезда, почти не замечала красоты края, расстилавшегося за окном.

Миссис Родмен появилась в тот самый момент, когда девушка уже готова была впасть в отчаяние.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.